

ВЫСТУПЛЕНИЕ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА НА IX СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОГО СОЮЗА РЕКТОРОВ

*Глубокоуважаемый Дмитрий Анатольевич,
уважаемый Виктор Антонович, всё Высокое собрание!*

Я хотел бы, во-первых, поблагодарить сердечно за самую возможность выступить перед вами, встретиться с ректорами российских и не только российских вузов. Сегодня вопрос о развитии прикладной и фундаментальной науки высшего образования и подготовка высококлассных специалистов и профессионалов приобретают, конечно, совершенно особое значение.

Мы живем в эпоху передовых информационных, наукоемких и интеллектуальных технологий. И современный человек, особенно молодой человек, не мыслит своего существования без компьютера и мобильной связи, а также высокоскоростного Интернета. И появляются все новые технологии в промышленности, производстве, в области предметов широкого потребления, медицине, в образовании. Даже такие, казалось бы, нетехнологичные области, как гуманитарные знания, и то не могут обойтись сегодня без этого механизма, который предоставляет современная технология. И даже каждый гуманитарий использует компьютер и средства связи, и таким образом, лицом к лицу соприкасается с результатами современных высоких технологий.

Однако в этом мире высоких технологий и в этом современном постиндустриальном мире существуют свои проблемы. И проблемы настолько яркие, что даже и особенно копаться не нужно, они все на поверхности.

И так же в области науки, как известно, и в области образования существуют проблемы. И не все они связаны с недостатком финансирования.

Перед обществом, а значит и перед научным сообществом, все с большей очевидностью встает проблема не только наращивания научного знания и углубления технического развития, но их осмысления и путей применения в реальной жизни. Этот тезис выводит нас на тему присутствия мощного воспитательного измерения в процессе обучения личности и организации условий для ее научного творчества.

Сегодня невозможно полно говорить о воспитании, не упоминая его, в том числе, и религиозную составляющую, хотя не только религиозную. Хорошо известно, что в советское время атеистическое государство прилагало все усилия для того, чтобы возвести барьер, непроходимую стену между наукой и церковью. Наука в системе советской идеологии становилась божеством со всеми атрибутами поклонения научным достижениям.

Мы, люди старшего и среднего поколения, хорошо помним, как любые достижения науки возводились в некое, совершенно особое достоинство и обществу предлагалось буквально поклоняться этим достижениям, — выше всех, дальше всех, сильнее всех.

Сама аксиология общественного развития как бы направлялась на то, чтобы иметь в качестве своей абсолютной ценности результаты научного исследования.

История преподнесла нам некий суровый урок: имея блестящую науку, высокое образование и вообще достаточно высокую организацию всего общества, имея колоссальные ресурсы, мы как великая страна не смогли справиться с той исторической задачей, которую перед собой поставили, — построить процветающее экономическое и справедливое общество.

Я думаю, что любой мыслящий человек должен задуматься над вопросом: а почему в условиях, когда всё находилось в одних руках (никакого политического

плюрализма, никакого шатания умов), весь колоссальный потенциал огромной страны был направлен на то, чтобы решить вековую, благородную мечту людей — жить в процветающем и справедливом обществе? Конечно, особое место в этой мифологеме уделялось науке, но всё это действительно оказалось мифологемой.

Я думаю, что следует очень серьезно проанализировать причину нашего исторического поражения в XX в., почему это произошло, не предвзято и спокойно, не политизировано, не делая из этого неких политических выводов в угоду той или иной политической силе.

У меня есть свое понимание проблемы. Я не хотел бы его навязывать, но хотел бы пунктирно его обозначить.

Будучи совсем маленьким, пятилетним ребенком, я спросил у своего папы, мудрого человека: *Папа, а почему мы так плохо живем? Папа на меня посмотрел и сказал: Сыночек, я был бы очень удивлен, если бы мы хорошо жили. Как же мы можем хорошо жить, когда мы Бога изгнали из нашей жизни?!*

К этому тезису можно по-разному относиться с точки зрения убеждений людей. Религиозные люди с этим, несомненно, согласятся, не религиозные — поставят под сомнение. Но что важно? Даже если воспринимать религию только с социологической точки зрения, изгнание религиозного фактора из сферы образования и из общественной жизни было, конечно, колоссальной ошибкой страны и режима, который управлял страной.

Мне могут задать вопрос: а какую роль сегодня может сыграть религиозное мировоззрение в новых условиях?

Уже сегодня достижения современной науки способны оказывать существенное влияние на порядок мироздания и даже природу ее элементов. Хорошо, все мы всё знаем о последних изысканиях в области клонирования животных, попыток клонировать человека, о биомедицинских технологиях, о геномной и трансгеномной инженерии. Всё это показывает колоссальные возможности науки, но одновременно каждое новое исследование ставит мировоззренческие и опять-таки нравственные вопросы. Я думаю, что ученые об этих вопросах осведомлены не меньше, чем представители церкви.

Впервые вопрос о соотношении нравственности и научного поиска, нравственности и человеческого выживания в эпоху индустриального общества возник в связи с развитием ядерной энергетики. Когда человечество оказалось способным в одночасье уничтожить само себя, используя ядерные технологии, тогда на повестку дня был поставлен вопрос о соотношении нравственности и выживания, потому что вне нравственного контекста становится чрезвычайно опасным употребление таких разрушающих технологий, как, в том числе, ядерные технологии.

Именно пример развития науки показывает необходимость органического соединения нравственности и науки. Я пошел бы дальше. Нравственность и наука являются самым ярким примером того, как нравственность связана с самим выживанием человеческой цивилизации. Но если продолжать эти аналогии, то любая сфера человеческой деятельности показывает нам пример того, как нравственность связана с темой выживания, — выживания человеческой цивилизации.

Теперь самый главный вопрос: а почему? Да потому, что нравственность — это то, что отличает человека от животного. Нравственность — это удивительная онтологическая способность личности отличать добро от зла. Если разрушается этот код, то человек становится зверем, а если в руках зверя мощнейшие технологии, то человеческое сообщество перестает быть жизнеспособным, оно подвергается колоссальным рискам.

Поэтому если мы воспринимаем нравственность как условие выживания современной человеческой цивилизации, то мы должны понять, что нравственное воспитание личности — это не то, на что следует обращать внимание по остаточному принципу, а это то, что должно быть сегодня в центре нашей озабоченности.

Когда телевидение доносит до нас страшные картинки совершенно жуткого поведения молодежи, которая убивает других только потому, что у них иной цвет кожи и иной разрез глаз, конечно, все мы бываем шокированы такой информацией, переживаем это, иногда спрашиваем: а как же мы докатились до такой жизни? Ведь это происходит не только у нас. Еще, слава Богу, что в России эти проблемы не являются такими жесткими и не такими опасными, как во многих других местах. Существует глобальная проблема — потеря нравственного начала в жизни людей.

Здесь мне хотелось бы перейти к самому главному — к роли школы. Встречаясь в таком высокопрофессиональном сообществе, есть соблазн говорить в первую очередь о своих сугубо профессиональных делах: об организации учебного процесса, о материальном обеспечении, вообще о путях развития науки. Но очень важно не упускать из вашего дебата и тему нравственного воспитания личности. Ни школа, ни вуз не должны устраниться от воспитания человека. Сегодня нередко приходится слышать: *Ну что мы можем сделать? Они же взрослые люди! В конце концов, мы не богадельня, мы не церковь, ведь мы же — высшая школа, мы не можем воспитывать.*

Мы с вами должны воспитывать. И нет никакого оправдания перед высшей школой, если она отказывается от этого величайшего своего предназначения — воспитывать нравственную, высокоинтеллектуальную личность.

Я хотел бы сказать о том, что воспитание в высшей школе должно отличаться от воспитания в детском саду и в начальных классах школы. Нельзя по пальчикам бить, нельзя менторски никого учить, а нужно создавать систему ценностей. Придя в приличный дом и сев за стол, даже маловоспитанный человек будет пытаться правильно использовать вилку и нож, потому что он понимает, что его поведение может поставить его в неловкое положение по отношению к той атмосфере, которая в этом доме существует.

Если мы создадим нравственную атмосферу в наших вузах, если мы высоко поднимем планку культурных, интеллектуальных и духовно-нравственных требований, тогда люди будут бояться выпасть из этой общей системы ценностей. Вот это самый правильный метод воспитания — не учить, а формировать ценности и обуславливать пребывание человека в системе, если он с этими ценностями согласен. Я не представляю, как можно мириться с двоечниками в вузе. Наверное, нельзя мириться и с людьми, которые разрушают основы нравственности. Действительно, может быть, поздно воспитывать жестко, как это нужно делать в семье и в детстве, но вуз должен стать местом особой духовно-нравственной интеллектуальной атмосферы, чтобы стены вуза поднимали человека, возвышали его личность. И вот тут, конечно, огромное значение личного примера. Ни профессор, ни педагог не могут снять с себя ответственность быть примером, нравственным и интеллектуальным примером для молодежи. Вообще молодежь учится на примерах больше, чем на лекциях.

Я бы хотел сказать в заключение о том, что, конечно, существует целый ряд проблем на стыке богословского знания и высшей школы. Я вначале думал об этом говорить, но потом отказался от этого тезиса, потому что, скорее, мы с Андреем Александровичем в келейных условиях и на уровне двухстороннего диалога об этом поговорим. Но существует целый ряд проблем, которые необходимо решить для того, чтобы с обеих сторон — и со стороны богословия, и со стороны светской науки — были сняты те недоразумения, которые еще существуют. Известен спор о том, что такое теология, что такое богословие. Не будем сейчас этому много уделять внимания. Но полагаю, что совместными разумными усилиями мы должны будем расчистить последние завалы, которые существуют с предыдущей эпохи и которые мешают развитию высшей школы, светской и высшей богословской школы.

И последнее, о чем мне хотелось сказать, это сердечно поблагодарить Виктора Антоновича, что он стал пионером создания храма при Московском университете, дав тем самым хороший пример другим высшим учебным заведениям.

Я знаю, как иногда в провинции люди просто боятся идти по этому пути, создаются какие-то мифологемы в сознании, которые, как я полагаю, добрые примеры должны помогать расчищать.

Глубоко убежден в том, что присутствие храма, вне зависимости от отношения к религии педагогического состава вуза, студенчества, является дополнительным очень добрым и важным фактором, содействующим воспитанию нашей молодежи.

И последнее, о чем бы мне хотелось сказать. Я взглянул на Стратегическую инициативу Российского союза ректоров под названием «Новое образовательное измерение» и хотел бы просто горячо поздравить вас, если вы примите такой документ.

Спасибо вам большое.